

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛИСТИКИ

УДК: 911.6

В. Л. Мартынов, Д. И. Олифир

«ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ИЗЛОМ» СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ИЛИ ФОРМАЦИОННЫЙ РАСКОЛ?

В предлагаемой статье рассматриваются основные причины произошедших в 2014 г. событий на Украине. Авторами предпринята попытка рассмотрения долговременных причин и тенденций, приведших к вооруженному столкновению на юго-востоке Украины. Структурно-логическое построение исследования обусловлено применением методов прогнозирования, статистического и экономического анализа. Информационной основой послужили статистические справочники и энциклопедии.

Делается вывод о том, что линия раскола в нынешнем украинском конфликте делит не Запад и Восток этой страны, а скорее Север и Юг. Экономическая жизнь Севера определяется мелкой торговлей и сельским хозяйством, то есть имеет мелкобуржуазный характер. На Юге же основу экономической жизни составляет крупная тяжёлая промышленность и господствует «пролетарский» уклад. Теоретическая значимость исследования заключается в понимании причин и последствий произошедших событий с позиции формационной теории, а не традиционной для Украины цивилизационной теории.

Ключевые слова: Донбасс, Украина, добыча угля, выплавка стали, старопромышленный район, гражданская война, формационная теория.

Введение. К осени 2015 г. на юго-востоке Украины стих гром пушек и «Градодов», начавшийся в апрельские дни 2014 г. Навсегда или на время — сейчас никто не знает. При этом про саму войну в Донбассе знают все. Или почти все, кроме тех, кто не имеет доступа к Интернету, не смотрит телевизор, не слушает радио и не читает газет. И, соответственно, всех знающих про эту войну занимает вопрос — а отчего это всё вообще могло произойти и как оно могло случиться? Понятно, что самые очевидные ответы на виду и на слуху — Майдан, переворот, «киевская хунта», «Русская весна» и прочее в том же духе. В то же время в российском общественно-политическом сообществе часто говорят о цивилизационном расколе Украины. Но при внимательном рассмотрении действий противоборствующих сторон никаких цивилизационно-культурных различий между ними не прослеживается — в частности, до свержения В. Януковича. Здания областных администраций захватывали на западе и в центре Украины, после — на востоке. Во Львове ставили на колени милиционеров из «Беркута», в Донецке — захваченных в плен военнослужащих Национальной гвардии и Вооружённых Сил. Для того чтобы объяснить причины нынешних событий нужно обратиться к истории более далёкой, чем история постсоветского времени, оказавшая очень серьёзное, если не решающее, влияние. Основной из этих

причин было постоянное и устойчивое снижение значения не только Донбасса, но и вообще Восточной Украины в экономической жизни СССР, а после его распада — постсоветской Украины.

Целью статьи является выявление особенностей и тенденций развития юго-востока Украины в целом и Донбасса в частности.

Изложение основного материала. Украинская часть Донбасса, традиционно к которой относят Донецкую и Луганскую области, является одним из самых молодых регионов Украины с исторической точки зрения и до недавнего времени игравшего важнейшую роль не только в экономической, но и политической жизни страны. Открытие угольных месторождений, в основном с иностранным капиталом во второй половине XIX в., наличие крупнейшей минерально-сырьевой базы и выгодное экономико-географическое положение предопределили его экономическое развитие на долгие годы и способствовали формированию крупнейшего промышленного комплекса с преобладанием отраслей тяжёлой промышленности, в сочетании с развитой сетью транспортной (в основном железнодорожной) инфраструктуры. Однако экстенсивные и нерациональные методы хозяйствования, сырьевая ориентация экономики и устаревшая материально-техническая база привели к резкому снижению значения этого региона. Тем не менее, до последних трагических событий Донбасс всё ещё оставался абсолютным лидером промышленного производства постсоветской Украины. Так, в 2013 г. объём реализованной промышленной продукции Донбасса составил 21,7 % (16,3 % в Донецкой и 5,4 % в Луганской областях) [3].

В политической жизни не то что независимой Украины, но и всего Советского Союза, выходцы с Восточной Украины играли первые роли. Если говорить о советском прошлом, то можно вспомнить, что почти тридцать лет, с 1953 по 1982 гг., высшими руководителями СССР были выходцы именно оттуда, с юго-востока Украины — сначала Н. С. Хрущёв, затем Л. И. Брежнев. У первого в Донбассе началась трудовая и «революционная» биография, второй родился в нынешней Днепропетровской области. Очевидно, что тридцатилетнее нахождение у власти в огромной стране выходцев из одного и того же региона просто не может быть случайностью.

Оно случайностью и не было. Значение юго-востока Украины для экономики СССР было исключительно велико. В ходе Великой Отечественной войны было учреждено множество медалей за оборону, взятие и освобождение разных городов СССР и зарубежной Европы. Та часть советской территории, через которую прошла война, после её окончания лежала в руинах и нуждалась в восстановлении, которое и происходило до конца 1950-х гг. Но медалей «за восстановление» учреждено было всего две: «За восстановление чёрной металлургии Юга» и «За восстановление угольных шахт Донбасса». И всё. Ни Москва, ни Ленинград, ни прочие советские города и территории чести иметь «восстановительные» медали не удостоились. Но как чёрная металлургия Юга, так угольные шахты Донбасса — это и есть нынешний юго-восток тогдашней Украинской ССР, нынешней «независимой Украины».

Перед войной в 1940 г. Украинская ССР добыла около 84 млн тонн угля и выплавляла 9,6 млн тонн чугуна и 8,9 млн тонн стали (это «чёрная металлургия Юга»). Чтобы было понятнее, много это или мало, можно посмотреть в общесоюзные показатели всё того же 1940 г. А они таковы: уголь — 166 млн тонн, чугун — 15 млн тонн, сталь — 18 млн тонн [1]. Нетрудно посчитать, что юго-восток УССР производил немногим более половины советского угля, 64 % чугуна и половину стали. Понятно,

что тогда этот регион был «индустриальным сердцем» всего Советского Союза. Экономика всей остальной Украинской ССР в сравнении с экономикой Донбасса была почти ничем.

И остановка «индустриального сердца» страны вследствие германской оккупации 1941–1943 гг. была пережита очень тяжело. Именно поэтому восстановление экономики Юго-Восточной Украины имело столь большое значение для всего Советского Союза, что ради него придумали даже отдельные медали. Население же в разрушенные города и посёлки этой территории вербовали (в буквальном смысле слова) в ходе «оргнаборов» по всей Европейской территории Союза — как на Украине, так и за её пределами. Так, численность населения Донбасса к 1959 г. увеличилось в 1,4 раза по сравнению с 1939 г. и составила 6715 тыс. чел. Естественно, что господствующим языком здесь и до войны был русский, а после 1945 г. в ходе мощного притока населения извне его позиции ещё более укрепились. Носителями украинского языка были только переселенцы из сельской местности остальной Украины, но и они быстро русифицировались.

Однако каковы же были результаты восстановления юго-восточной Украины в качестве «индустриального сердца» Союза ССР? С технической точки зрения — великолепны. Всё разрушенное не только было восстановлено, но и вовлечено в процесс дальнейшего развития. Модернизировались старые шахты, создавались новые, строились металлургические комбинаты и машиностроительные заводы.

Добыча угля на Украине, составлявшая и составляющая ныне основу экономики Донбасса, с 1940 по 1970 гг. выросла примерно в 2,5 раза с 84 до 207 млн тонн (в Донецкой области за этот период рост составил 2,2 раза с 48,6 до 106,8 млн. тонн.), но уже во вполне благополучные 1970-е гг. началось её снижение — в 1980 г. Украиной было добыто 197 млн тонн, из которых на Донецкую область пришлось 98,5 млн. тонн [4].

Стали на Украине в 1970 г. выплавлялось впятеро больше, чем в 1940 г. — примерно 47 млн. тонн против 9 млн тонн, в 1980 г. примерно 54 млн тонн. Но при этом доля Украины в общесоюзных показателях добычи угля в 1970 г. составила 33 %, а в 1980 г. примерно 28 %. Доля Украины в общесоюзной выплавке стали в 1970 г. составила 41 %, а в 1980 г. 36 % [2]. В «эпоху застоя» юго-восточная Украина явственно теряла своё исключительное положение в советской экономике, постепенно переставая быть «промышленным сердцем» СССР.

Негативные тенденции ещё более усилились в 1980-е гг., последнее десятилетие существования Союза. К концу 1980-х гг. доля Украины в общесоюзной добыче угля снизилась до 25 %, в абсолютных показателях — до 190 млн. тонн. Выплавка стали по СССР в 1990 г. составляла 154 млн тонн, на долю Украины пришлось примерно 50 млн тонн, или 32 % общесоюзного производства.

Общее снижение экономического значения юго-востока Украины, включая Донбасс, приводило к тому, что уже в советское время этот регион постоянно и устойчиво «вползал» в состояние кризиса. В таком развитии событий ничего необычного нет. Именно такой, от процветания к деградации, была траектория развития всех т. н. «старопромышленных» районов других государств мира. Это Рур в Германии, Эльзас и Лотарингия во Франции, Мидленд в Великобритании, Валлония в Бельгии. Во всех этих регионах происходило одно и то же — старые направления экономической деятельности сокращались, пока не исчезали совсем, промышленные предприятия

закрывались, города оставались жителями и начинали «рассыпаться». А место деградировавших регионов в экономической и политической жизни занимали другие, более «удачливые».

Особый «коленкор» приобретали межрегиональные отношения в том случае, если менялось значение разных по этническому или религиозному составу регионов. Хрестоматийный пример — Бельгия, состоящая из двух частей, Валлонии и Фландрии. До 50-х — 60-х гг. XX в. основу её экономики составляла Валлония, население которой говорит на близком к французскому валлонском языке (во Франции его считают диалектом французского). По набору ведущих отраслей экономики Валлония была и остаётся «близнецом» Юго-Восточной Украины — это добыча угля и железной руды, а также металлургия. Аграрная и совершенно лишённая каких-либо полезных ископаемых Фландрия была отсталой, бедной и несчастной частью Королевства Бельгия. Во всех сферах жизни Бельгии господствовал французский (валлонский) язык, знание фламандского считалось уделом «деревенщины».

Но в 60-е гг. XX в. Валлония начинает деградировать, поскольку её «ресурсная» экономика теряет свои позиции, а Фландрия, опирающаяся на коммуникации «Единой Европы», напротив, начинает расти. В мелкобуржуазно-аграрной Фландрии в 60-е гг. начинают активно создаваться предприятия новых отраслей промышленности, а с переходом к постиндустриальной экономике её преобладание становится решающим, поскольку оказывается, что основу постиндустриального общества составляет сфера услуг — то, чем собственно и занималась мелкая буржуазия. Фландрия начинает гордиться своей историей и с гордостью пользоваться лишь фламандским языком, который в соседних Нидерландах считают диалектом голландского, при этом замечательно обходясь только им, что ранее считалось невозможным — как это, «провинциальное наречие» не слишком распространённого голландского языка может вытеснить со своих позиций один из главных мировых языков, французский. Однако же это произошло.

Столь длинный пассаж про Бельгию, Валлонию и Фландрию здесь приводится для того, чтобы стало понятно — проблемы, раздирающие ныне Украину, не уникальны. Так же, как не уникальны и пространственные проблемы современной России. Всегда можно найти где-то в мире что-то похожее и начать его использовать в собственных интересах, продвигаясь по уже пробитой дороге, и вовсе не обязательно идти своим путём через бурелом и болота.

У юго-востока Украины в начале 90-х гг. был шанс пойти собственным путём, если бы этот регион смог чётко структурироваться и осознать свои интересы¹. Однако большой проблемой юго-востока Украины и тогда и сейчас было отсутствие собственной «гуманитарной» интеллигенции, поскольку структура занятости населения этого региона связана, в основном, с материальным производством. «Технари» же в плане техники и технологии промышленного производства знают и умеют всё, но вот организовывать народные массы не могут совершенно, что чётко проявилось в ходе нынешних событий — значительную часть организаторов протеста на юго-востоке Украины и создателей Донецкой и Луганской народных республик пришлось «завозить» из России, а затем «вывозить» обратно.

¹ Примером может служить Крымская область, которая в начале 1990-х гг. добилась статуса автономии и была преобразована в Автономную Республику Крым.

За первые годы независимости уровень добычи угля на Украине, и без того постепенно сокращавшийся, просто рухнул вниз. Если в 1990 г. было добыто 164,8 млн тонн угля, то в 2000 г. — 62,4 млн тонн, а в 2013 г. — 64,2 млн тонн. В период с 1990 по 2013 гг. добыча угля сократилась в 2,6 раза. Что касается Донецкой области, то здесь в 1990 г. было добыто 80,4 млн тонн угля, а в 1995 г. объём добычи сократился в почти в 2 раза и составил 42,9 млн тонн. В последующие годы добыча угля постепенно сокращалась и к 2005 г. составила 36,4 млн тонн, а к 2012 г. немного увеличилась до 39,8 млн тонн. Таким образом, в период с 1990 по 2012 гг. добыча угля в Донецкой области сократилась в 2 раза. По некоторым оценкам за 2014 г. угольными предприятиями Донбасса было добыто 23,5 млн тонн угля [6], что в 1,7 раза меньше уровня 2012 г. и в 3,4 раза меньше уровня 1990 г. Этот показатель уже встречался выше — в характеристиках экономики Украины 1940 г. Очевидно, что регион, специализирующийся на производстве одной и той же продукции более века и производящий её столько, сколько производилось семьдесят пять лет тому назад, сейчас никак не может являться «индустриальным центром» и «локомотивом развития». Динамика добычи угля в Донецкой области в период с 1940 по 2012 гг. представлена на рисунке.

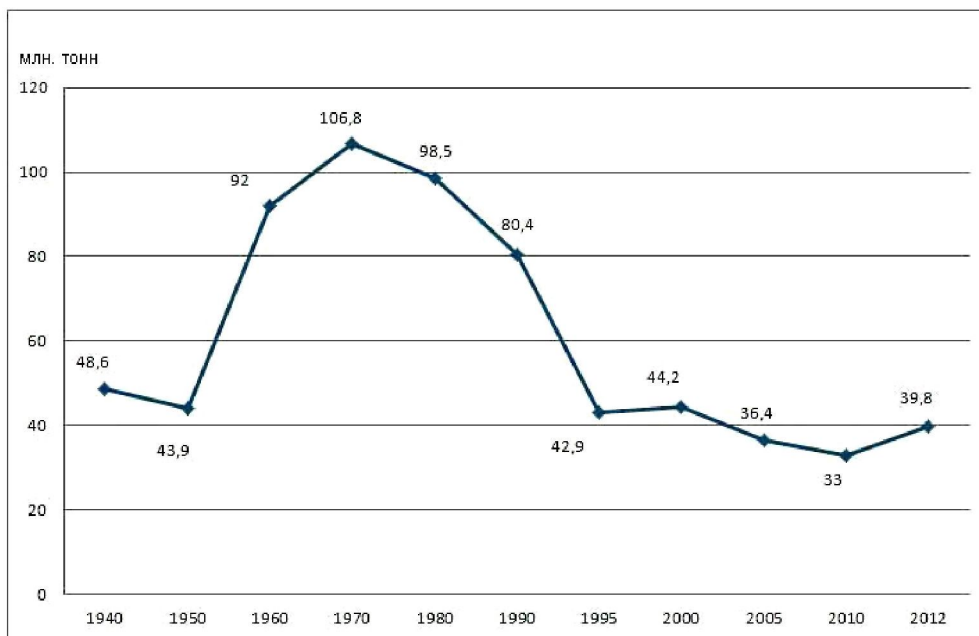

Рис. Динамика добычи угля в Донецкой области в период с 1940 по 2012 гг.

Связано снижение добычи угля в Донбассе с простейшей причиной — запасы угля в значительной мере исчерпаны, его добыча обходится всё дороже и дороже, вследствие чего донецкий уголь неконкурентоспособен не только на внутреннем, но и на мировом рынке. Спрос на него обеспечивается только тем, что большая часть украинской теплоэнергетики рассчитана именно на донецкий уголь.

Основной причиной того, что эта добыча вообще продолжается, является само существование шахтёрских городов и посёлков. Закрывать убыточные шахты легко, но что делать с людьми, которые на них работали? С дорогами, специально постро-

енными для обслуживания этих шахт? С заводами, на которых производилось оборудование для них? Ну и так далее. Понятно, что дешевле продолжать добычу угля, оплачивая убытки за счёт государственных дотаций. Именно это и происходило на Украине все годы независимости.

Дотирование угледобычи было прекращено лишь в 2015 г. С очень высокой степенью уверенности можно говорить о том, что это прекращение приведёт к резкому сокращению добычи угля. Просто ради интереса: за постсоветское время добыча угля в российской части Донбасса снизилась не в два раза, как на Украине, а в семь раз, с 28 млн тонн до примерно 4 млн тонн. Но в наших условиях это снижение компенсировалось за счёт сибирских угольных бассейнов, главным образом Кузбасса. При этом центрами российской части Донбасса были средние по численности населения города, например, Шахты и Каменск Шахтинский. Но и там возникли очень серьёзные проблемы с занятостью населения. В украинской части Донбасса города такого размера не слишком заметны на фоне миллионного Донецка и полумиллионного Луганска при том, что фактически вся территория Донбасса представляет собой сплошную зону городской застройки.

Что же касается выплавки стали, второй отрасли «всесоюзной специализации» этого региона, то в первой половине 1990-х гг. она сократилось примерно так же, как и производство угля. Так в 1990 г. было произведено 52,6 млн тонн стали, в 2000 г. — 31,4 млн тонн, а в 2013 г. — 15,1 млн тонн. Производство стали в период с 1990 по 2013 гг. сократилось в 3,5 раза [5].

Также Украина остаётся одной из немногих стран, в которой мартеновским способом выплавляется примерно 45 % стали (51 % — кислородно-конверторным способом и 4 % — в электропечах). Непрерывным способом разливается всего 13,5 % выплавленной стали [7]. В целом можно считать, что по общему объёму производства продукции чёрной металлургии Украина находится примерно на уровне конца 1960-х — начала 1970-х гг. Ситуация в металлургии намного благополучнее, чем в угольной промышленности, находящейся на уровне 1940 г. Связано это главным образом с тем, что украинская металлургия работает в основном на внешний рынок, причём под внешним рынком в данном случае понимается не Россия, а страны Евросоюза и другие государства в развитой части мира.

Но при всех своих проблемах восточные области Украины производили и производят большую часть экономической продукции страны. На долю только Донецкой области в 2004 г. приходилось 13,2 % ВВП Украины, а в 2012 г. — 11,7 %. Нетрудно заметить, что эта доля снижается, но при этом остаётся очень высокой.

Если Донбассу терять по большому счёту нечего, его окончательный экономический крах — лишь вопрос времени, то металлургическому Приднепровью как раз есть. И это очень хорошо заметно по участию главных металлургических районов Юго-Восточной Украины в событиях 2014–2015 гг. — в Запорожской и Днепропетровской областях Майдан приветствовали крайне слабо, если приветствовали вообще. Но и какого-либо существенного участия в противодействии новой украинской власти жители этих регионов не принимали, поскольку им это сейчас совершенно ни к чему. На долю Днепропетровской области в 2004 г. приходилось 8,7 % ВВП Украины, а в 2012 г. 10,1 %, т. е. для этого региона характерна тенденция роста.

Глядя на карту боевых действий 2014 — начала 2015 гг., легко заметить, что под контролем Донецкой и Луганской народных республик оказались главным обра-

зом «угольные» города Донбасса, экономика которых уже была серьёзно подорвана в 1990-е гг. — первые годы XXI в. и которым действительно нечего было терять. Попытки закрепиться в более благополучных «металлургических» городах, в частности в Мариуполе и Краматорске, закончились неудачей. Правда, фактически сейчас «металлургическая» часть юго-востока зависит от политики центральных властей Украины не намного больше, чем ДНР и ЛНР, управляясь, по сути, из Днепропетровска, а не из Киева.

Однако при общем снижении производства в ключевых отраслях экономики Юго-Востока, угледобыче и металлургии, руководящие посты в независимой Украине занимали большей частью выходцы из этой части страны. Л. Д. Кучма, единственный президент Украины, занимавший должность два срока подряд, из Днепропетровска. Оттуда же — Ю. В. Тимошенко. В. Ф. Янукович — из Донбасса. Даже В. Ф. Ющенко, традиционно воспринимавшийся как «западонец» — уроженец Сумской области, расположенной на востоке Украины.

Возникает резонный вопрос — если юго-восток Украины находится в состоянии долговременной депрессии, то где же там более благополучные регионы?

Ответ может показаться странным и даже удивительным, потому что это Центральная и Западная Украина, традиционно воспринимающиеся как отсталые аграрные регионы, «специализирующиеся» на поставках рабочей силы в Россию и страны Евросоюза. Уровень экономического развития этих регионов ниже, и намного ниже, чем областей юго-восточной Украины. Но и кризисы разных времён их затрагивают гораздо меньше. Это аграрно-индустриальный регион, «край лавочников и крестьян». Но именно такие регионы резко вырывались вперёд в ходе «новой индустриализации» Европы в 60-е — 70-е годы и её же постиндустриализации — с 1980-х гг. до настоящего времени. В качестве примеров можно привести Баварию в Германии, бывшую когда-то опорой нацистов из-за преобладания консервативного крестьянского населения, и Кент в Великобритании, бывший «сад Англии», сейчас являющийся наиболее развитой частью этой страны.

Разрушение значительной части Донбасса в ходе боевых действий, очевидно, приведёт к тому, что значение юго-востока для экономики Украины будет сокращаться, а центра и запада — расти.

От нашей «ура-патриотически» настроенной общественности можно часто услышать, что Украина как государство не состоялась. Но если бы это действительно было так, кто бы сейчас воевал в Донбассе с правительственной стороны? Можно долго искать и находить там «наёмников с Запада», «правосеков» и кого угодно ещё, но нельзя отрицать очевидного — большую часть воюющих составляют обычные солдаты и офицеры Вооружённых Сил Украины и Национальной гвардии, которая когда-то называлась проще и привычнее — Внутренние войска. Это хорошо заметно по тем роликам, которые противоборствующие стороны выкладывают в Интернете. А обычные украинские солдаты и офицеры — это обычные граждане Украины, которые зачастую говорят по-русски не хуже жителей России. И уж если они воюют на стороне «киевской хунты», вполне возможно, совершенно не разделяя её лозунгов и целей, то вполне логично было бы предположить, что они защищают единство страны, которая якобы «не состоялась». И следует отдать им должное, воюют они хорошо.

То, что в феврале 2014 г. в Киеве произошёл государственный переворот, в ходе которого свергнут законно избранный президент, а власть была захвачена самозван-

цами — это правда. То, что основу этой власти составляют украинские националисты, унаследовавшие худшие черты своих предшественников времён Великой Отечественной войны — тоже правда. Но правда и в том, что украинский кризис 2014 г. не сформировал, а лишь проявил, вывел на свет Божий издавна существовавшие проблемы Украины.

События весны 2014 г. в Крыму имели чётко выраженный этнический характер, но при этом в них не было почти никакой экономической составляющей — с экономикой Крыма стали разбираться лишь тогда, когда оказалось, что почти вся она «завязана» на Украину. Для преимущественно русского населения Крыма «возвращение в Россию» было мечтой всего постсоветского времени, и референдумов для этого не нужно было проводить — и так всё было очевидным.

Но события на востоке и особенно на юго-востоке Украины, напротив, определяются главным образом экономическими проблемами, этнические проблемы здесь вторичны, если вообще существовали. Ведь с обеих сторон основная часть воюющих — украинцы, которые и составляют подавляющее большинство населения юго-востока Украины в целом и Донбасса в частности. Да, говорят жители Донбасса в основном по-русски, но от этого они не перестают быть украинцами. Это действительно гражданская война, в которой представители обеих сторон принадлежат к одной национальности.

Выводы. «Пространственный излом» Украины не имеет «цивилизационного» характера — не так уж и велики различия в образе жизни, привычках и предпочтениях людей в разных частях Украины, чтобы причислять их к разным цивилизациям. Это главным образом борьба между «старопромышленными» и «аграрно-индустриальными» районами.

Для понимания её причин и последствий надо привлекать скорее не цивилизационную, а формационную теорию, поскольку в этой войне, как и вообще на Украине, «сошлись» два общественных уклада — «пролетарский» (юго-восток) и «мелкобуржуазный» (вся остальная Украина).

Именно поэтому «пространственный излом» на современной Украине разделяет не Западную (бывшую польскую, ранее австрийскую) Украину и Восточную (ранее российскую, затем советскую), а скорее Северную и Южную. Весь север Украины за «майданную власть», юг — против. Где открыто, где скрытно, но против. На севере Украины крупная промышленность существовала в советское время (кто из жителей СССР не ездил на автобусах Львовского автобусного завода и не пользовался фотоплёнкой «Свема», производившейся в Шостке Сумской области), но вся она безвозвратно исчезла уже в начале 1990-х гг. И экономическая жизнь в этой части Украины стала определяться мелкой торговлей и сельским хозяйством, т. е. приобрела чёткий мелкобуржуазный характер.

На юге же, и особенно на юго-востоке, основу экономической жизни продолжала составлять крупная промышленность, созданная даже не в советское, а в до-революционное время. В повседневной жизни господствовал «пролетарский» уклад, а управляла жизнью этой части страны, как и вообще Украины, крупная буржуазия, именуемая почему-то, как и в России, «олигархией».

Гражданские войны считаются самыми беспощадными и разрушительными. Если это действительно так, то лидирующие позиции по беспощадности, несомненно, занимают войны не между представителями разных национальностей или ре-

лигий, а между представителями разных «общественно-экономических формаций». Примеры тому — наша Гражданская война (1918–1921 гг.), после которой страна во всех смыслах, в том числе и пространственном, стала совершенно иной. Похоже, что именно это происходит и сейчас на Украине.

В этом новом «пространстве Украины» место юго-востока будет совершенно иным. Не только потому, что «лавочники», ныне пришедшие к власти в Киева (собственно, это и есть «мелкая буржуазия»), отличаются обычно крайней мстительностью, поэтому постараются всячески препятствовать развитию этой части своей страны. Но и потому, что такова объективная реальность, определявшая и определяющая снижение значения депрессивных старопромышленных районов.

Литература

1. Союз Советских Социалистических Республик. Государственный институт «Большая Советская Энциклопедия». М., 1947.
2. СССР. Энциклопедический справочник. М.: «Советская энциклопедия», 1982.
3. Статистичний збірник «Регіони України». Київ, 2014.
4. Статистичний щорічник Донецької області за 2011 рік. Донецьк, 2012.
5. Статистичний щорічник України за 2013 рік / Под ред. О. Г. Осауленка. Киев, 2014.
6. В Донецкой области добыча угля упала 52 на 65 %. [Электронный ресурс]: URL: <http://cxid.info/v-doneckoy-oblasti-dobycha-uglya-upala-na-65-n117947>
7. Metallurgicheskiy kompleks Ukrainy i USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://zet.in.ua/zakonoproekt/promyshlennost/metallurgicheskij-kompleks-ukrainy-i-ussr/>

Об авторах

Мартынов Василий Львович — доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Олифир Денис Игоревич — кандидат географических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: Denis-olifir@yandex.ru

V. Martynov, D. Olifir

"SPATIAL BREAKDOWN" IN MODERN UKRAINE: CIVILIZATION OR FORMATIONAL SPLIT?

The article discusses the main causes of the events in Ukraine in 2014. The authors have made an attempt to address long-term causes and trends that led to bloodshed in Southeast Ukraine. The research was based on forecasting techniques, statistical and economic analysis. Reference books, statistical data and encyclopedias served as an information basis.

The authors conclude that the split line in the current Ukrainian conflict divides not the West and the East of this country, but rather the North and the South. The economic life

in the North is characterized by trade and agriculture, while in the South the economics is based on heavy industry. Theoretical significance of the research lies in understanding the causes and consequences of the events from the position of the formational theory, and not traditional to Ukraine's civilizational theory.

Key words: *Donbass, Ukraine, coal mining, steel, old industrial districts, civil war.*

About the authors

Prof. **Vasili Martynov**, Department of Economic Geography, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Dr **Denis Olifir**, Associate Professor, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: Denis-olifir@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2015 г.